

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Волчий хутор (военный хорор). Часть 1 (окончание)

Русские идут

Проливной дождь размочил всю вокруг землю. В мгновение, превращая ее в сплошную грязь. Он лил и лил с небес, не переставая, ни на минуту. Еще в ночной темноте он напоил своей теплой летней водой всю окрестную местность, гроыхая громом и полыхая яркими молниями над болотным лесом и Волчьим хутором. Огромной черной тучей гроза повисла над речкой Березиной и Снежницей.

Ручьи быстро текущей воды, полились с крыш сельских домов, с шумом падая на мокрую скользкую теперь глинистую землю.

Дождь. Летний теплый дождь. Он обливал с небес водой крыши домов и огороды Снежницы. Он лился всей своей массой на головы фашистов и заливал им всю технику. Они были в ловушке. Их танки увязли теперь в своих капонирах в огородах селян, утонув еще глубже в сырой огородной рыхлой земле. Это была большая ошибка немцев. Теперь они не могли даже сдвинуться с места и маневрировать. Да еще в слабом утреннем рассвете, под проливным дождем. Грохот грома и сверкание молний заглушали выстрелы канонады орудийных выстрелов на прифронтовой полосе, и заглушал наступление русских вооруженных сил в сторону деревни Снежницы.

Молния ударила в выставленную антенну связи рядом с комендатурой и грохот напугал Хлыста и Любаву Дроницу. Они оба от испуга подлетели, и о дальнейшей любви уже не было речи. Они подскочили к окну, но в темноте раннего утра ничего не было видно со стороны там, где был удар молнии, только дым и горящая антенна связи. Она словно взорванная упала, оплавившись от высоковольтного разряда молнии, и напугала охранявших комендатуру фельдфебеля и солдат немцев. Те громко что-то на своем языке закричали как ненормальные. Любава Дронина глядя на сидящих и притихших прижавшихся двух на окне амбара голубей с перепуту перекрестилась.

— Че крестишься?! — подколот ехидно Любаву Хлыст — Крещеная что ли?! — он засмеялся ей в лицо.

— Боюсь просто — вымолвила, тихо и испуганно одеваясь быстро она — Бог все, таки, есть.

— Бог говоришь есть! — Хлыст снова съязвил Любаве — Бог есть! Нету, ни хрена, поняла дура! Если б был то не было сейчас этой войны и я бы не был полицаем. И нас бы в этой комендатуре не было! — он уже зло ответил громко ей. Собирай монатки и проваливай! О Боге вспомнила, когда гром ударил! Шлюха деревенская! Пошла вон!

Он, было, открыл ей дверь, но потом поймал за руку — Ладно, подожди, пока дождь стихнет — Хлыст, вдруг быстро успокоился. Он смотрел в залитое непрерывным дождем окно комендатуры и на галдящих возле крыльца немцев. Хлыст тоже что-то предчувствовал. Что-то неладное. Чутьем его природа не обидела, и он ощущал приближение скорого возможного конца

всему. Ожидалось наступление Советских армий по фронту и в частности здесь. И он думал о том, как бы, если, что спасти свою в этой суматохе шкуру.

Да и немцы не на шутку вдруг именно сейчас перепугались. Сама природа сейчас была не за них и это они все уже давно знали. В этих лесистых белорусских местах все время что-то

происходило. То пропадали их сослуживцы. Причем бесследно. То эти партизаны. Вот уже третий год долбят их, то хвост, то в гриву. А тут еще танки окапывать заставили, и понятно ожидается скоро наступление. Только откуда и куда никто из ближнего командования не знал. Вот фрицы и были все время на ушах и шарахались ото всего.

Тут еще эта гроза и дождь. Дождь словно из ведра. И молнии.

Прыщ соскочил тоже с постели и не обнаружил Любаву в их доме. Он позвал ее, но все бес толку. Ее не было дома.

Он выскочил под водоотводный дождевой козырек дома над дверью и стал кричать в дождь, зовя предавшую его, как и любого бы другого подругу Дрону. Он вернулся в дом и стал надевать одежду, собираясь на ее поиски. Прыщ любил Любаву Дрону, а вот она его нет и ей он был безразличен. Прыщ выскочил под дождь из дома и по грязи поплелся в сторону комендатуры. Он подозревал свою подругу в отношениях с Хлыстом, и вот решил поймать ее на месте, уличив в измене.

В это время на окраине деревни Снежницы показались из стены летнего теплого утреннего грозового ливня партизаны. Первые. Это была разведка.

Она была со стороны размоченной дождем дороги и въезда в деревню. И как раз напротив колхозного заброшенного со старым, почти сгнившим истлевшим сеном амбара, в котором сидела Варвара Семина и Пелагея Елагина.

Партизаны осторожно и аккуратно не спеша прошли по высокому и мокрому пригнутому к земле ливнем бурьяну прямо к амбару с пленницами и их детьми. Вдоль бревенчатой стены, они, прижимаясь к ней и пригибаясь по-прежнему, дошли до угла к его фасаду с невысоким деревянным из досок настилом под въезд сеновальной телеги для скота.

Там под большим дождевым козырьком у самых дверей или, говоря точнее ворот амбара, стояли немцы. Охрана пленниц. Фельтфебель и трое немцев автоматчиков с карабинами и автоматами. Они охраняли двух деревенских женщин с их детьми.

За воротами послышалась какая-то возня и шорох и Варвара открыла глаза. Она уснула и не помнила даже сама когда, думая о завтрашнем. Она толкнула вбок Пелагею и та подскочила, чуть не вскрикнув с испуга прижав к себе детей.

Дверь амбара тихо и осторожно закрипела на ржавых петлях, и кто-то заглянул внутрь.

— Эй — тихо послышался чей-то мужской голос — Вы тут все живы?

Пелагея чуть не закричала от радости, забыв обо всем, но Варвара закрыла ей рот рукой.

— Кто вы? — спросила она — Партизаны?

— Они самые — опять им тихо ответил голос из-за двери — Разведка. Мы вас выручать пришли.

Варвара поднялась на ноги и к ней как к наседке прижались все ее дети как цыплята.

Человек вышел из-за двери и пошел в сторону Варвары.

— Собирайтесь — он продолжил им говорить — Пора улепетывать отсюда. Скоро по дороге здесь пойдут наши танки.

Варвара затряслась от радости и бросилась вместе с детьми к человеку.

Это был ее Савелий. Савелий Семин. Он пришел за ней. Ее муж. Живой и невредимый. Он был в маскхалате разведчика. За ним вошли еще двое, то были его видимо, товарищи по службе.

Варвара повисла, целуя Савелия на его шее, и зарыдала. Его облепили его дети. Тут же поднялась и Пелагея с детьми, и тоже подошла к Савелию, глядя со слезами на него и Варвару

и на других советских солдат.

— Ну, все! Все! Хватит Варенька, хватит! — сказал Савелий — Пора бежать отсюда, пока все не началось! — он обнял Варвару и накрыл брезентовым плащом вместе с детьми и вывел на порог амбара. Следом за ними вышла и Пелагея с детьми. Ее и детей также окутали спецодеждой разведчиков от проливного дождя и вывели другие солдаты из амбара на свободу.

Никого на пороге уже не было. Никого из охранявших их немцев. Их по-тихому сняла разведка и выбросила за амбаром еще теплые безжизненные трупы.

На пороге под навесом стояли еще несколько лесных партизан. Они были, видимо, в помощь выделены пехотной разведке.

Они присоединились к бежавшим и вместе с ними покинули под проливным дождем колхозный амбар.

Беглецы пересекли дорогу, по которой выдвигались Советские войска на Снежницы, буквально перед ними и ушли в лес навстречу партизанскому отряду, идущему с правой стороны деревни.

Вскоре они были в самом лесу среди спасительных деревьев и еще покрытого утренней темнотой и грозовой тучей неба.

Спустив сидящего на ветках мокрого от дождя притихшего поутру филина, партизаны вышли из леса с противоположной Волчьему хутору стороны деревни. Прямо под проливным дождем. По лесной грязи и тропинкам. Сбивая с сырых лесных кустов всю воду и промокшие до костей партизаны, тащили за собой пушки сорокопятки на конной упряжке и станковые пулеметы с правого края по направлению на Снежницы. Они готовились к наступлению и освобождению белорусской деревни от фашистов.

Многочисленный боевой и хорошо вооруженный отряд рассредоточился по всей окраине деревни.

Люди пришли мстить за гибель своих и за сожженные карателями села. Именно здесь они хотели отыграться за все, что немцы сделали за прошедшие годы с их деревнями вокруг Снежницы. Еще им на помощь подходила со стороны въезда в деревню советская военная часть и танки.

Проливной дождь не мог задержать их постоянное продвижение с целью окружение Снежницы и захвата врасплох немцев в этой деревне. Ранний туманный рассвет помогал партизанам свершить задуманной, как и войскам разгромить фашистов в этом еще спящем крепким сном селении.

Было четыре часа утра. Партизаны вышли из стены проливного дождя и леса на его окраину по мокрому прибитому дождем высокому бурьяну в еще полной темноте.

Их вел брат предателя Серафима Кожубы Тимофей. Он лучше всех знал дорогу в свою деревню, как и Федор Артюхов.

Во главе отряда шел командир партизанского отряда Ражнов Виктор и политрук Васюков Федор. В числе наступающих были и Всеволод Артюхов с сыном Павлом.

Подтащили ящики с зажигательной смесью и снаряды. Сам Всеволод Артюхов с сыном Павлом на своей лошади везли снаряжение в первых конных упряжках партизан. Здесь же с ним на соседней телеге был и политрук отряда Васюков Федор.

Огромное войско лесных мстителей сосредоточилось на самом краю леса в проливном

хлынувшим с небес утренним дожде.

— Рассредоточиться шеренгами! — скомандовал по рядам негромко командир отряда Ражнов Виктор — Идем до огородов тихо без звука! Взять гранаты и бутылки с зажигательной смесью! И помните там старики и дети! Помните о них и бейте врага за них! — он вытащил из кобуры револьвер и поднял его над головой и они пошли в деревню Снежницы, свесив пулеметы с плечей и винтовки с автоматами цепями в несколько рядов слегка пригибаясь в мокром от ливня прибитом к земле бурьяне.

Партизаны полукругом охватывали Снежницы с правого края от края и до края. А рядом буквально уже недалеко от них наступала Советская армия прямо по дороге на въезд в деревню. Там шли солдаты и гремя траками гусениц катились нагруженные до самой башни пехотой танки. Они, также, прикрытые проливным дождем стремительно наступали на захваченную немцами деревню. Лишь левый фланг селения был открыт. Так было задумано заранее, чтобы спихнуть немцев как раз в топкое лесное болото. Прямо с их, если придется, техникой.

Надвигалось освобождение Снежницы от фашистских оккупантов.

— Это, наши, Варенька — сказал радостно вполголоса своей жене Савелий Семин — Мы среди уже своих. Он рукой показал на партизан, стоявших перед ними. И они быстро, почти бегом по мокрой траве, и по сырой земле, приближались к идущим цепью к деревне вооруженных людей. Они проскочили сквозь их ряды, примкнув сзади всех к осаждавшим родное селение партизанам. Прижав к себе своих детей, Варвара с Пелагеей и несколькими партизанами, осталась далеко позади вскоре от наступающих на Снежницы партизан. А ее Савелий со своей группой разведчиков устремился со всеми, вступая в бой за родную его с Варварой деревню. Стоя под проливным дождем и укрытые брезентовой камуфляжной военной накидкой, они были свидетелями утреннего боя за Снежницы. Стоя в мокрой от ливня льющей с небес воде на краю соснового и березового леса.

Прыщ свернул вправо в ближайший переулок и пробежал в обход огородами, чтобы обойти некоторые вооруженные немецкие посты и выйти к комендатуре. Он первый и увидел наступление партизан. Прыщ поднял руки, напугано растерявшись, увидев цепь из идущих крадучись из леса вооруженных людей в еще кромешной темноте раннего утра. Он тут же бросился назад, падая в размокшую дорожную глину. От испуга, он заорал как резаный — Русские! Русские идут!

В это время на дороге в Снежницы появился первый русский танк, и на деревню упали первые его снаряды. То ворвалась в деревню с первым взводом советской пехоты в маскхалатах на броне первая тридцатьчетверка.

Т-134/85 пронесся по дороге до первого сельского дома, сбросив с себя русских солдат, обстреляв капониры с бронетехникой противника.

Его первые те снаряды из 85-миллиметровой длинноствольной пушки ударились в землю за огородами и сразу же накрыли свои первые жертвы. Загорелись БМП «Рысь» и один из танков Т-IV. Снаряды попали в капониры, точно сверху поражая свои цели. Начали раздаваться новые взрывы от попаданий из установленных партизанами на правой стороне деревни минометов. Загрохотали и пушки и снаряды ударились в насыпи со стоявшими другими бронемашинами немецкой пехоты под брезентом и маскировочными сетками. Там же была и мототехника противника, которая вспыхнула от попадания мин и снарядов

партизан. Следом в деревню влетел, и второй танк Т-134/85 с солдатами на своей броне и так же, обстрелял противника, поджигая еще пару немецких танков. Раздался большой взрыв. Это произошла детонация практически одновременно боезапасов обеих машин и от них полетели куски железа во все стороны.

Из домов повывскакивали как сами напуганные с криками селяне, так и сами немцы. Кто в чем. С винтовками и автоматами. Они бегали под огнем взрывов мин и снарядов.

Немцы бросились к машинам, но, ни тут, то было. Грязь сделала свое дело вместе с дождем. Ни одна машина и ни один мотоцикл из еще, уцелевших, не вырвались из прочного грязевого вязкого капкана.

Немцы по раскисшей грязи и под дождем пытались выпихать хотя бы свои мотоциклы и погибали под пулеметным огнем партизан и автоматным огнем советской ворвавшейся в селение пехоты. Они оттесняемые сразу же в левую сторону Снежницы в темноте под разрывами снарядов и мин отступали к лесному болоту.

Из дома выскочил сам оберполковник Гюнтер Когель. Он выскочил вместе с майором СС танкистом Зигфридом Вальтером и своим адъютантом Ергеном Вальтраубом. Оба вооруженные своими вальтерами, они разбежались, крича на своих паникующих подчиненных и пытаясь собрать их вместе и перегруппировать, но все тщетно.

Когелю лишь удалось организовать несколько вокруг себя солдат немцев и пытаться контратаковать русских в самой деревне. Он нацепил железную пехотную на голову каску, и, бегая между загоревшихся сельских домов бань и амбаров отстреливался от наступающих русских солдат и партизан, так же отступая к заросшему высоким бурьяном болоту.

Здесь же вскоре оказался сам Прыщ и Дрыка. Они оба оказались одновременно здесь и рядом с Гюнтером Когелем. Дрыка перед самым нападением только, только, вошел в темноте, мокрый от ливня, как лягушка в деревню. А Прыщ, сматываясь от партизан, налетел на них чуть позднее уже в промежутке первых разрывов снарядов. В окружении немецких солдат они вместе с Когелем оказались в высоком бурьяне и, пригибаясь, побежали, бросив уже всех в самую топь болота. Туда куда повел их Дрыка.

Когель разминутся в момент боя со своим коллегой майором СС Зигфридом Вальтером. И тот под проливным дождем, в свете горящих ярким пламенем деревенских домов, рванул к своим подчиненным танкистам. Пытаясь хоть как-то повлиять на ход роковых для него событий, он пытался спасти хоть что-то от своей танковой оставшейся здесь в деревне части. Как командир танкового корпуса, добежав до своего танка. Он, вместе со своими танкистами, быстро залез в свой зарытый в рыхлую, огородную почву «Тигр».

Зигфрид Вальтер даже и не заметил, что стал жертвой окружения и самой природной стихии. Он завел танк, но выехать из грязевой ловушки так и не смог. Его «Тигр» утонул чуть не по самую башню в размокшем от дождя капонире. Все что оставалось только вертеть вокруг бронированной башней танка и пытаться отстреливаться от своего напавшего в дождь под раннее утро врага.

Это его танк был зарыт в огороде Симки Пелагиной и ее матери. Сам Зигфрид Вальтер ночевал в доме Когеля. И вот он уже отстреливался от наседавших на них этой кошмарной для фрицев дождливой ночью русских. Из того своего увязшего намертво в глинистой огородной грязи и закрытого крапивой и картофельной ботвой «Тигра». А Симка Пелагина и ее мать прятались в этот момент в практически пустом погребе подвале своего бедного старого дома. Они быстро и перепугано спрыгнули туда и сидели в полной темноте, обнявшись и трясясь от

страха. Они, прижавшись, друг к дружке, тряслись от каждого взрыва снаряда упавшего рядом с ними. От тряски самой вокруг них осыпающейся мокрой с водой над их головами земли.

Вдруг обе вспомнили о Зорьке.

— Зорька — крикнула напуганная Анна дочери, и Симка вырвавшись из рук матери, выскочила из погреба и из своего дома в коровник, спасать от падающих с воздуха снарядов свою единственную корову. Она выгнала ее из коровника и побежала под дождем и гулом канонады в правую сторону леса, минуя соседские огороды по растущей мокрой картошке, навстречу идущим из леса партизанам. Зорька неслась сама как танк, сбивая все головой и рогами, пугая наступающих и разбегающихся в стороны партизан и бегущую с криком за своей коровой и даже не обращающую на них внимание Симку Пелагину.

В полной грозовой утренней темноте немцы, бросив уже все, побежали кто куда. В сторону Волчьего хутора в само болото, в стоящий высокий в темноте бурьян. В это же время Варвара и Пелагея вместе с разведчиками, бросились, тоже бежать, но не в сторону деревни к своим оставленным домам, а на оборот за село в сам лес под прикрытие своих с правой стороны Снежницы.

Варвара прокричала Пелагее на ходу — Нужно бежать за село в лес! Вместе с детьми! Там будет безопаснее!

Варвара и Пелагея схватили всех и с ними бросились огородами к болотам и лесу. Им помогали разведчики, и сам муж Варвары Семиной, неся самых маленьких двоих своих детей на руках.

В полной практически темноте под проливным дождем и взрывами снарядов полыхали множество домов Снежницы и деревню, было не узнать.

Дождь непрерывно лил, перемешиваясь с гарью пожаров.

Горели сразу несколько домов. Бывший дом Варвары Семиной и еще три дома по улице у центральной дороги деревни на самой окраине Снежницы.

Огонь был сосредоточен в основном, как было видно по окраине села и горели в основном амбары и сельхозпостройки деревни. Снаряды падали точно по укреплениям противника. Точно по капонирам на окраине за огородами Снежницы. Сам центр деревни был относительно цел и с улиц в лес бежали люди. Бежали селяне, прячась так же от обстрела в высокий прибрежный болотный бурьян, вместе с немцами в ту сторону, откуда им навстречу бежали с криком УРА! партизаны.

Они пытались теперь отбить селян у засевших в высоком бурьяне немцев. Буквально в рукопашку сцепившись с ними у самого болота. У самой заросшей болотной травой трясины. Вытаскивая детей стариков и старух из высокой травы под выстрелы в их сторону карабинов и автоматов. Под ливень и сверкание молний. Под зависшей над болотом и самой Снежницей черной огромной тучей.

Оставшиеся в живых под обстрелами селяне все сбились у самого края болота. Упав прямо и прижав детей и самих себя к мокрой прибитой высокой траве. В основном старики да старухи деревни, и маленькие ребятишки, сбившись кучками и дрожа от страха и испуга, сидели у самого края берега лесного болота. Болота лесных оборотней.

В полной темноте и под взрывами снарядов и гранат ничего нельзя было разобрать. Все перемешалось. Один грохот от выстрелов и взрывов вперемешку с раскатами грома и сверканием молний.

Он так и не смог вылететь этим утром со своей эскадрильей к Снежницы. Вылет по прикрытию штурмовиков был отменен из-за непогоды и плохой видимости. Он так и не смог пролететь над тем местом, где был сбит его друг Дмитрий.

Сергей Аниканов стоял у своего Яка, потупив взор и наклонив голову над плоскостью фюзеляжного крыла боевой машины.

К нему подошел командир авиаполка полковник Захарченко.

— Вылета сегодня не будет — сказал он Сергею Аниканову, подойдя сзади и положив руку ему на плече — Погода подвела нас Серега. Илы тоже не летят, и прикрывать никого не надо. Будем куковать без дела — он повернулся спиной к Аниканову и, сказал, уходя — Вот такие пироги капитан. Отдыхай, отбой тревоги.

Аниканов стоял, молча потупив свой по-прежнему взор, и молчал. Там далеко над той деревней слышались раскаты грома и грохот взрывов и выстрелов. Над взлетной полосой аэродрома светлело, и было уже десять часов утра.

Где-то там был его друг Артемьев Дмитрий, и он его командир и боевой товарищ не в силах был хоть как-то сейчас помочь другу.

Сергей Аниканов не верил в его смерть. Он видел тогда его падающим на парашюте над тем болотным лесом. Он видел его живого и не верил в его смерть.

Аниканов развернулся и принялся догонять полковника Захарченко.

Он поравнялся почти с ним, отдав честь, заговорил — Товарищ полковник.

— Да? Тебе чего капитан? — спросил Захарченко.

— Товарищ полковник — он повторил — Разрешите обратиться.

— Разрешаю капитан — ответил комеск авиаполка.

— Когда все там закончится товарищ полковник, я смогу съездить в ту деревню? Вы разрешите мне побывать там товарищ полковник?

— Разрешаю капитан — ответил Захарченко — Я поговорю с командирами пехотных частей и договорюсь тебе помочь в поисках лейтенанта Артемьева. Мне и самому не спокойно капитан за него, если он и на самом деле живой и где-то там в том болоте и лесу отсиживается.

— Спасибо товарищ полковник — радостно обрадовался разрешению капитан Аниканов и, повернувшись, и отдав честь еще раз, побежал в сторону ротной землянки.

Время охоты

Наконец все закончилось.

Партизаны быстро овладели окраиной своей оккупированной немцами деревни и выдавили немцев из населенного пункта, пользуясь темнотой и неожиданностью нападения.

Была сожжена вся немецкая в Снежнице бронетехника. Догорал и танк майора СС танкиста и командира своего разбитого теперь полностью танкового корпуса Зигфрида Вальтера. Горела факелом на нем картофельная ботва. И жарилась еще зеленая на его полыхающей двадцати миллиметровой броне картошка Анны Пелагиной, и ее дочери Симки.

Горели мотоциклы и машины и тела самих немцев прямо рядом с теми горящими машинами и мотоциклами. Заревом полыхали горящие на окраине деревни амбары и, тот в котором сидела Варвара Семина вместе с Пелагеей Пелагиной с их детьми. Горели и некоторые дома, в которые попали снаряды и мины.

Как-то разом закончился и дождь, и рассеялась черная дождевая грозозная туча. Молнии

перестали сверкать над Снежницей. Лишь на горизонте там на фронтовой линии где-то далеко отсюда, шли непрерывные, как и раньше бои.

Остатки, разбитых немцев бросились, вырываясь от насевших на них партизан и русской пехоты в само болото. В самую топь, проваливаясь в трясину. Некоторые сдались в плен. Некоторых взяли в плен. Некоторых из еще живых вытащили из края самого болота, кто не успел раненый или убитый утонуть в болотной жиже под проливным дождем.

Там были как немецкая пехота Гюнтера Когеля, так и танкисты танкового корпуса СС Зигфрида Вальтера. Сдались все, кто сдался. Те, кто предпочел бежать либо утонули, либо, заблудившись в утренней грозовой темноте в болоте стали жертвами болотных оборотней волков.

По всему лесу слышны были их крики, когда стих ливень и низкий белый как молоко туман накрыл все болото.

Те, кто слышал эти крики старался по быстрее убраться с окраины его ближе к горячей деревне. Старухи, крестясь вместе со стариками чуть ли не бегом спешили, назад не задерживаясь теперь в отвоеванную от фашистов Снежницы.

На окраине болота остались стоять лишь партизаны и солдаты слушая вой и рычание и дикие вопли несчастных там глубоко среди сосен и берез болотного леса. Они с ужасом смотрели туда не в силах уже помочь тем, кто скрылся от плена в том огромном лесном болоте.

Держа на перевес винтовки и автоматы они смотрели туда, не понимая, что там даже происходит, но понимали то, что там творилось что-то жуткое и ужасное. Что-то страшнее, чем даже сама война. Что-то запредельное по своей кровожадности и жестокости. Что-то не из мира сего. То, что не в силах одолеть ничто и не принадлежит этому их миру.

Дрыка вел их на болота. Он их вел к своей покровительнице волчице. Она приказала ему привести хоть кого-нибудь из селения. И вот эти трое, очень были как, ни, кстати, в его теперь упряжке. Эти трое беглых с деревни обреченных на смерть в болотной теперь глуши врагов. Врагов обреченных на плен и боящихся попасть в руки партизан и солдат советской армии. Врагов пытающихся спасти свою шкуру укрывшись там, куда вряд ли кто посмеет прийти и искать их. Искать здесь в этой болотной топи. Практически непроходимой в зарослях кустарника и буреломов из упавших в болотную грязь и жижу сосенок и берез.

Они ломались сквозь вспененную ливнем топь под вопли тех, кто умирал в зубах волков по обеим сторонам в глубине болота. Крики разносились по всему лесу. Крики о помощи. И крик ворон по всему лесу. И слышен был дикий рев и рык кого-то, кто их убивал тут в этом адском лесу. В страшном, утреннем затуманенным после проливного грозового дождя в буреломах сосен и березняка.

Эти трое сам немецкий оберполковник Гюнтер Когель, его адъютант Ерген Вальтрауб и полицай Прыщ. Вместе с Дрыкой они пытались укрыться в Волчьем логове.

Дрыка их сюда провел по скрытой тропинке, которой частенько ходил уже второй год в этот хутор и приводил на прокорм волчице кого-нибудь из деревни. За два почти года тут сгнуло уже порядком народа.

Никто про эти его тайные хождения с бычком из всей округи не знал.

Люди исчезали в болотах и ни кто уже их не искал. Когда пришли фашисты, местные

боялись высовываться далеко из дома. Максимум до огорода и обратно, набрав картошки. Замечали, конечно, исчезновение некоторых селян, но до болота никто ни ногой. И так было страшно при фашистах. Шестерых повесили и потом еще троих. Кто будет следующий? Вот и не лезли, куда ни надо. Каждый думал о себе и о родственниках.

А в болотах с края деревни Снежницы пропали целые семьи и опустели дома в деревни. Пропали несколько фашистов. Немцы пытались их искать в районе Волчьих болот, но так и не нашли. Но никто не знал, что большинство из них привел на съедение волчице сам полицай Дрыка.

Вот и теперь он вел на съедение очередную свою жертву. В белом стелющемся по лесу сыром после дождя тумане он вел с собой двоих по тропинке между берез и сосенок напрямиком в Волчий хутор.

— Простите — на ломаном русском языке произнес Ерген Вальтрауб, адъютант Когеля — Оберполковник спрашивай вас, что это за крики на болотах? Чтой-то очень жуткое место! — он вместе со всеми поворачивался из стороны в сторону испуганно, сам дрожа и направлял подобранную винтовку в сторону звериных и человеческих криков по сторонам болотной тропинки по которой их вел Дрыка.

— Действительно жуткое место, но обер ваш полковник пусть лучше не вертится со своим вальтером по сторонам, а то нырнет в трясину или какую — нибудь яму и поминай как звали.

— А че ты Дрыка ни когда не говорил про эту тропинку на болоте, а?! — спросил его Прыщ — Че ты сюда все время и бегал, да?! Когда тебя доискаться в деревне не могли!

— Не ори на все болото идиот! — уже здесь теперь Дрыка командовал — Приманишь лихо! Иди и молчи, потом спрашивать будешь. А оберполковник пусть не беспокоиться, то место глухое и безлюдное. Туда никто из деревни еще не закахивал и там можно схорониться — он сказал адъютанту Когеля, чтобы тот ему перевел. И тот на немецком объяснил по-быстрому Когелю что да как и, они, молча, продолжали свой маршрут по болоту в Волчий хутор.

Она чувствовала их. Она знала, что они пришли. Пришли, чтобы своей кровью напоить его. Напоить его новорожденный желудок. Желудок молодого новорожденного волка. Человека ставшего волком. Человека окрещенного волчьей кровью. Волка гибрида. Волка оборотня.

Они были здесь. Прошли через непроходимое ее болото. Ее двойник говорил волчице о том, что они уже были в одном из трех домов Волчьего хутора.

Они бежали сюда из захваченной противоборствующими войсками деревни. Там еще слышались выстрелы и взрывы, доносящиеся со стороны Снежницы. И прекратился проливной дождь. Было утро. Раннее после дождя и грозы прохладное утро.

Эти беглые полицаи и один немец офицер. Их привел ее доверенный полицай, знающий сюда к ней дорогу. Это она показала ему тропинку, выводя в селение полицая со своей территории и болот. Полицая знающего ее. Полицая ставшего принужденно под страхом за свою жизнь ей союзником. Она спасла его из топи еще солдатом в начале войны. Он попал в эти леса в момент окружения и тонул, но она выручила его и он поклялся помогать ей. Он должен был следить за селением и за немцами.кожи. Она словно выворачивалась наизнанку и покрывалась густой темной и серой волчьей шерстью. Он чувствовал их. Чувствовал приближение к нему людей. Они были уже рядом, где-то здесь на болоте его матери, Богини этого леса.

Его привела сюда Агес, его новая теперь молодая болотная супруга волчица. Она сказала

ждать здесь и все произойдет само собой, когда он почувствует людей. Природа его нового тела сама даст о себе знать. И вот они были уже близко и шли прямо на него, и он готовился вкусить их кровь и плоть. Надо было завершить ритуал. Ритуал молодого лесного волка. Так сказала ей их общая лесная мать. Она была недавно у нее со своей дочерью Агеллой и обещала вернуть его к ней и лесному отцу.

Он теперь молодой оборотень и волк. Он хозяин этого болотного хутора. Он Фероль должен получить сегодня сам то, что его сделает окончательно тем, кем он теперь должен стать. Но только сам. Он должен начать свою личную охоту. Охоту на людей в этом лесу среди топей и он готов к этому. Он готовится к этой своей охоте. Охоте под присмотром молодых своих двух жен и лесной матери Богини. Этот лес сегодня его.

Он видит сквозь судороги боли две стоящие невдалеке возле берез и сосен волчьи тени. Они ждут его и будут следить за ним и сопровождать его, благословляя на сегодняшнее кровавое убийство.

И вот он снова превращается в волка. В болотное жуткое чудовище. Корчась от непереносимой боли среди кочек и болотной травы, под щебетание лесных птиц и кваканье лягушек.

Жуткие судороги и боль. Одна адская боль сменяет другую. И все это непрерывно и непереносимо. Когда удлиняется даже позвоночник и меняется при ломке ребер и прочих костей все человеческое тело, все до лохматого волчьего короткого хвоста. Когда видоизменяется сам человеческий череп, и само лицо покрывается волчьей шерстью. Режутся сквозь десна, волчьего уже черепа волчьи клыки и зубы. Когда глаза превращаются из человеческих в совсем другие, и ты видишь мир перед собой в другом уже свете и в другом световом спектре. Когда твой слух в новых островерхих покрытых шерстью волчьих ушах слышит любые даже короткие и тихие звуки далеко вокруг. Каждый шорох до самой окраины болота. Когда сквозь человеческие ногти на тех покрытых уже шерстью жилистых теперь звериных руках, похожих скорее на руки некоего демона, вылазят длинные кривые когти, а ноги дополняются еще одной парой суставов и становятся волчьими и тоже с кривыми острыми когтями.

И голос. Голос меняется, и ты поначалу не говоришь ни слова, пока не пройдет перестройка полностью тела. Только рев от боли и рык и вой. Дикий вой на Луну над тобой. На невидимую Луну в пелене над тобой густого белого тумана. Где-то там, наверху в утреннем после проливного дождя небе над хвойными и лиственными кронами болотных деревьев.

Она где-то там и он чувствует ее, как и тех, кто шел к нему сюда. Шел по болотной лесной тропинке, скрываясь на его болоте, болоте его лесной матери.

Он чует уже волчьим носом человеческую очень вкусную кровь и запах мокрых от дождя и пота тел. Тех троих идущих теперь к нему по болоту. По непроходимой практически топи, подвластной только ногам оборотня.

Метнулась тень. От одного дерева к другому. Это уже оборотень волк вышел на след своей жертвы. Огромная фигура хищного жуткого зверя в белом как молоко густом среди деревьев тумане устремилась к тем, кто шел по болоту на ее хутор.

Они были уже не так далеко впереди ее. Впереди той страшной волосатой серой тени. Они успели пройти почти мимо нее еще до того как человек на заросшем болотной травой маленьком островке превратился в страшного волка оборотня.

Они слышали где-то позади себя его дикий жуткий вой. Повертев головой от страха, эти трое в военной немецкой полевой форме были уже у высокого плетеного забора, когда зверь набросился на них.

Этот дикий громадный зверь ударил когтистой волосатой лапой оберполковника Гюнтера Когеля сзади по его голове, рассекая мгновенно

одним ударом его в небритой щетине правую щеку и отбрасывая и роняя его в сторону. Когель отлетел на целых два метра и упал в большую прибрежную болотную лужу и потерял сознание. Вальтера в его руке уже не было. Он выпал и тоже улетел в сторону в высокой мокрой от ливня траве и исчез там.

Его помощник и адъютант Ерген Вальтраубе только и успел повернуться как волчьи длинные конические и толстые клыки в громадной пасти оборотня вонзились в его еще молодого двадцати девятилетнего немца шею. Они разорвали ее, сомкнувшись в свирепом мотанием огромной с прижатыми по охотничье волчьими острыми ушами звериной огромной головы.

Ерген успел вскрикнуть, но тут, же захрипел разорванным горлом, выстрелив из винтовки мимо своей цели и, выронив ее, он упал под ноги бешеного стоящего перед полицаем Дрыкой зверя.

Он забился в дикой конвульсии, задержав руками и ногами истекая кровью и задыхаясь, а зверь поставил одну из своих ног на него, пригвоздив Ергена к сырой после дождя земле.

Раздался дикий волчий звериный рев на весь Волчий хутор.

То был голос голодного до человеческой крови Фероля.

Фероль схватил и Дрыку следом за его плечи, сомкнув огромные пальцы и воткнув свои кривые острые когти жилистых сильных звериных рук в его плечи на его черной шинели полицая. Он наклонился к нему окровавленной волчьей пастью и посмотрел в перепуганные и охваченные неопишущим ужасом глаза. Практически в упор, дыша зловонно свежей пролитой во рту человеческой кровью. Прямо в него, прижатому к плетеной ограде Волчьего хутора.

— Нет! — заорал Дрыка — Нет! На помощь! Хозяйка! Ты обещала! Нет! — он заорал на весь хутор и задержался в мертвой хватке дикого смотрящего на него желтыми блестящими в утреннем туманном рассвете глазами оборотня волка — Ты мне обещала!

Дрыка повернул голову влево, увидев боковым паническим перепуганным в ужасе вытаращенных из орбит глаз взглядом свою повелительницу. Она

стояла недалеко с какой-то еще девицей, которой он Дрыка раньше и не видел. Она стояла и смотрела абсолютно равнодушно и хладнокровно, как и ее очень юная еще совсем соседка на то, как оборотень волк разделается с ним. Их глаза светились огнем желтого кровожадного цвета.

— Повелительница! Ты обещала мне спасение за услугу! — снова заорал полицай Дрыка — Ты обещала мне жизнь за этих вот двоих!

В этот момент руки лапы дикого громадного волосатого серого шерстью зверя, схватив Дрыку за его кожаный широкий ремень, подняли его перед собой. Оторвав от земли у самого забора. И, подняв высоко, насадили с чудовищной силой. Прямо задницей. На торчащий из глинистой сырой после дождя земли подпирающий забор. Один из многих заостренный у самого начала узкий и длинный, как стержень кол.

Дрыка только сумел громко вскрикнуть и наклонно повис, сидя свесив ноги на плетеном из прутьев заборе. Он схватился судорожно руками за прутья забора, пытаясь слезть с забора, но

кол вошел глубоко в его задницу, раздирая его полицая кишечник. А волчьи руки разорвали на нем черную полицейскую шинель. Глядя в его красное от непереносимой боли лицо и вытаращенные вперед застывшие на одном месте глаза и на стиснутые в шоке челюсти, громадный зверь вонзил в его грудь обе свои когтистые руки и вывернул наружу ребра. Дрыка задергался в конвульсиях на заборе. Он уронил вперед свою в кепке полицая голову. Себе на разодранную с вывернутыми наружу ребрами грудь, вперемешку с разорванной когтями рубашке полицая и кителя голову.

Как ни странно, но он был еще живой и от шока не мог уже ни кричать, ни стонать. Он только замычал громко и потерял сознание. Дрыка даже не заметил от шока и боли как отправился в мир иной пригвожденный забором и лапами оборотня волка. Его сердце было вырвано следом из его груди и наружу за ним вывернуты все внутренности. Зверь проглотил его вырванное из груди сердце. И следом поднял, держа также за ремень и адъютанта Когеля Ергена Вальтаубе и прижав к забору, разорвал все его лицо своими клыками и, стиснув их на его лице, раздавил ему череп. Затем оборотень волк оторвал адъютанту Когеля с его разорванной шеи голову и выплюнул ее в сторону бесформенной кровавой массой. В это время стоящие недалеко две молодые волчицы женщины сбросили с себя всю одежду, подскочили к двум еще теплым трупам, и стали о них тереться в их свежей окровавленной плоти и стекающей вниз крови. Они терлись по-звериному, друг о друга обнаженными женскими телами купаясь в свежей крови тех, кого Фероль своими клыками и когтями превратил в мясной фарш.

Пока они занимались этим, оборотень Фероль повернулся в сторону прибрежной большой болотной лужи, туда, куда улетел оберполковник Гюнтер Когель. Но Когеля там уже не было. Он, пользуясь моментом пока Фероль терзал свои жертвы ползком по воде и траве пополз снова в сторону болота в лес. Он хотел укрыться в самой теперь трясине и стелящемся по болоту белом как молоко тумане. Оглушенный сильным звериным ударом, практически оглохший и с рассеченной когтями правой щекой, Когель весь в болотной грязи и траве пополз, тихо стараясь скрыться от жуткого преследования не понимая, что это бессмысленно, что это все равно конец, но он инстинктивно потенциальной жертве пытался спастись.

Симка бежала по освобожденной Снежнице среди стоящих солдат Советской армии и партизан. Мимо танков и машин. Это была короткая их остановка. Им надо было двигаться дальше. Селяне обнимали солдат и радовались освобождению своей деревни от фашистов. Она вернулась назад. Поймав корову Зорьку в лесу и пропустив все время боя и отсидевшись с коровой в густом березняке правого леса от Снежнице, подбежала к стоящей рядом с одним легчиком офицером тете Стюре и своей матери. Тот спрашивал о своем напарнике и о бое над этой деревней и про то, что тот упал в районе болот, когда загорелся истребитель.

— Да вы что! — вмешалась в разговор Симка Семагина — Да, было такое! Страшно было даже! — она громко от радости кричала — Тогда и один немец упал за нашими огородами и один туда же в те болота. Но вы, наверное, теперь не найдете никого! Эти места гиблые. Еще никто оттуда не выходил живым — и немного осеклась, глядя на свою мать, возмущенно и осудительно смотрящую на свою дочь. И та сразу же вспомнила своего там пропавшего отца охотника, забредшего еще до войны в болота спяну прямиком с дурру и со своего огорода, который как раз выходил с левой стороны деревни на Волчьи болота. Он, поругавшись с Симкиной матерью из-за очередной пьянки, там сгинул навсегда и никто его больше не

видел. Или утонул в болоте или чего хуже попал в зубы волкам.

— Там есть волки? — спросил незнакомый Симке летчик офицер ее мать.

— Говорят много волков и непростых волков — ответила, дернувшись, словно от испуга Анна Пелагина — Не ходите туда товарищ офицер. Ради Бога не ходите. Там нет никому спасения. Все в нашей деревне знают. Там давно люди пропадают. Если ваш боевой друг не выбрался, каким то, волшебным образом с этого болота, то вы его уже не найдете никогда — и она взяв за руку дочку, потупив взор, словно виноватая, вместе с родственницей тетей Стюрой, пошла вдоль улицы домой. Мимо бегающей мимо советских солдат и партизан жены старосты Серафима Кожубы Марии. Та так и бегала по деревне в поисках мужа, всех спрашивая о нем.

— Надо же! Вот дура эта Мария! — сказала громко Пелагея Зимина, стоя с радостно кричащими детьми у своей ограды дома вместе с Варварой Семиной и ее мужем разведчиком Савелием — Жила с такой тварью. Но мне даже ее почему-то жалко теперь.

Но Варвара не обращала внимания, на ту жену предателя Марию. Даже брат ее мужа Тимофей Кожуба к ней не подошел. Он стоял в толпе радостных празднующих победу селян стариков и старух и партизан со своими командирами, и молча, смотрел, как она бежит по деревне и всех спрашивает. Может, чокнулась, может еще что? Так все и думали, теперь глядя на нее. Ей не было покоя с того момента как старший Кожуба пропал без вести в районе болот. Говорили уже на селе, что она его видела то во сне, то так однажды ночью, и он говорил ей, кто его убил и как. Вот она вроде того и тронулась рассудком.

— Ты скоро вернешься Савушка — Варвара, обняв своего мужа, целовала его и он ее тоже.

— Вот немцев догоним до Берлина, и приду я — говорил он ей — Еще увидимся Варенька. Их маленькие такие же, как и Пелагеи, дети облепили их обоих и дергали папу за камуфляжный маскхалат.

Сергей был в состоянии шока. После всего услышанного о месте гибели его друга ему не было покоя. Он на военной Эмке вместе с солдатами разведчиками подъехал к краю болот, и сам не понимая, почему стал кричать по имени своего друга Дмитрия. Он кричал туда в жуткий подернутый все еще сырым, туманом заболоченный в трясине сосновый с пролесками болотных берез густой лес.

— Димка! — кричал он — Арсентьев! — капитан Аниканов звал своего друга, глядя в белый застеливший вглубь весь болотный, лес туман. Он надеялся, что товарищ его еще где-то там и спрячется от фашистов в болотном лесу. Его голос был хорошо слышим, и разносился громким эхом по болотному в густом тумане лесу.

К нему подошел уже в солидном в возрасте старший сержант разведки — Нет там никого, товарищ капитан. Пора ехать.

Слушая в темном болотном лесу громкий крик ворон, Аниканов его обрезал — Да подожди ты! Я знаю, он где-то там в тумане. Я чувствую Димка живой! Не мог он вот так просто так погибнуть здесь! — он снова закричал, глядя на болото — Димка Арсентьев! Слышишь меня! Это я Серега Аниканов!

— Товарищ капитан! — сказал уже громче старший сержант разведки — Надо спешить. Все уже уходят из деревни! Товарищ капитан!

— Да подожди же ты! — нервничая, капитан Аниканов прикрикнул на сержанта — Димка! — он снова прокричал, и эхо его голоса прокатилось по затуманенному туманом лесу — Димка Арсентьев! Слышишь меня?! Отзовись!

— Товарищ капитан! — тоже нервничая, проговорил громко старший сержант разведки — Мы должны ехать! У меня приказ!

— Так давай едь, если спешишь, если надо! — психанул Аниканов — А я потом догоню!

— Товарищ капитан я не могу без вас! — нервничая, произнес старший сержант разведки — У меня приказ сопровождать вас! И пора уже возвращаться!

Аниканов посмотрел в сторону Снежницы и увидел, как войска уже покидали освобожденной от немцев село.

— Вот черт! — прокричал капитан Аниканов — Черт! Димка! — он крикнул напоследок садясь с разведчиками в военную Эмку — Я вернусь к тебе! Димка! — он прокричал напоследок — Я вернусь! Я найду тебя!

И военная Эмка с разведчиками и с Сергеем Аникановым по сырой высокой прибитой дождем траве и грязи вырывая юзом принялась догонять своих. Она помчалась на полном ходу догонять Советские войска по дороге на Запад.

Гюнтер Когель поднявшись на ноги, и еле перебирая ими, брел по болотной топи теперь практически наугад. Впереди и вокруг него был лишь сплошной густой после обильного дождевого ливня туман. Он трясся от страха и уже не соображал ничего от удара мощной лапы оборотня волка.

Это была настоящая контузия, выбившая Когеля из своего сознания на какое-то непродолжительное время. Этот чудовищный удар когтистой звериной лапы по его голове вырубил его оберполковника Гюнтера Когеля из сознания и не видевшего всего того, что произошло с его адъютантом Ергином Вальтраубе и полицаем Дрыкой. Он так и проплавал в грязной после дождя заливной у берега Волчьего хутора луже.

Когель даже не помнил, как пришел в себя и только помнил, как пополз, куда глаза глядят, не взирая, на топкую вонючую, болотную жидкую грязь и рану от когтей волчьей оборотня лапы снесшую почти всю его правую щеку. Он даже не чувствовал сейчас кровь текущую по его шее под рубашку и китель. Он просто полз и полз по болоту долгое время, и вот, наконец, нашел в себе силы встать на ноги.

Когель ухватился за тонкую перед собой стоящую замшелую болотную сосенку и огляделся вокруг. В окружающий его стелющийся по болоту малоподвижный густой туман. Не было ничего, совершенно видно, куда ни посмотри и Когель, побрел дальше, хватаясь за деревья вокруг себя. Он брел по болоту в одиночестве, надеясь еще на возможное спасение. Туман начал постепенно и медленно рассеиваться и таять буквально на глазах. Он прямо стал оседать в само болото увлекаемый вниз в жидкую его заросшую болотной травой топь.

В этот момент Фероль настиг свою потенциальную жертву.

Мощный удар в спину сбил с ног оберполковника Гюнтера Когеля с дрожащих и подкашивающихся ног. Он упал окровавленным лицом в болотную жижу и тут же был схвачен за пояс кем-то очень сильным.

Оборотень волк держал его своей когтистой сильной волосатой рукой, обхватив за торс и прижав сбоку к себе. Он понес Когеля по болоту в известном только ему направлении. Он понес Когеля к древнему божественному дереву этого болотного леса.

Он тащил еще живого пойманного им немца Гюнтера Когеля через все болото к древнему дереву. Буквально схватив поперек туловища под своей сильной звериной волосатой рукой. Он тащил его к своей новой матери. Богине этого болотного леса. Словно какую-нибудь

игрушку он бросил пойманного им немца прямо на выступающие толстые корявые корни древнего ствола. Тот шмякнулся оземь, и пополз сам от оборотня задом, отмахиваясь от него руками и что-то лепеча на своем немецком языке.

В глазах потенциальной жертвы кроме страха и ужаса не было уже ничего.

Немец спиной прислонился к древнему корявому с толстенной корой стволу болотного дерева и поднялся на дрожащие ноги.

В это время к оборотню волку подбежали две такие же, как и он волчицы. Они воя и рыча и скаля свои длинные клыки зубы смотрели на того кто был недавно еще командиром немецкого в оккупированной Снежнице большого пехотного подразделения.

Когель не унимаясь что-то так и лепетал на немецком громко. Наверное, молил о пощаде. Фероль стоял напротив него во весь свой звериный огромный рост оборотня волка. Он, молча, в отличие от волчиц, смотрел на свою жертву и ждал решения ее участи от своей лесной Богини Матери. Ждал ее приказа для окончательного завершения ритуала. Эта жертва была ее жертва. Фероль посвящал жертву своей новой Матери и лесному Отцу волку. Вдруг забурлила волнами и пузырями грязи вся вокруг дерева трясина. Прямо среди его уходящих вглубь болота толстенных кривых корней. И в тот же миг отделилась от дерева черная призрачная тень. Тень прошла сквозь самого дрожащего от ужаса Когеля. Это была тень огромного волка.

Тень на глазах приобретала живую осязаемую форму, и казалось даже вес. Она ступала волчьими лапами по болотной жиже и шла прямо в направлении Фероля.

Стоящие сзади Фероля обе рычащие волчицы замолчали и склонили книзу свои в покорности головы.

— Моя милая Агес! — громко раздался голос тени — Наконец-то ты нашла себе мужа! Себе и своей молодой дочери! Наконец-то родится новая стая! В этом лесу и на моих глазах! Это будет новая стая! — тень подошла вплотную к Феролю и обнюхала его всего, вокруг обходя стоящего во весь звериный огромный рост волка оборотня.

— Ты долго выбирала себе мужа Агес! — снова произнесла тень — Для себя и для дочери! И вот я помогла тебе дочь моя! Он твой муж и мой теперь сын как вы все многие! Мой Фероль! Мой обращенный новый хозяин этого леса! Это все теперь твое! — тень остановилась перед стоящим лицом к ней Феролем. Она стала вытягиваться вверх и превратилась в силуэт женщины. Молодой тоже, как и Агес и Агелла женщины приобретая живые конечные очертания живой женской фигуры.

Она, да это была она. Та, что звала его тогда к себе. Та, что стояла в изорванной ночной длинной узорчатой сорочке перед своими лесными детьми. Почти голая, перед ними, и они окружали ее и то дерево. Его братья и сестры этого болотного леса. И он видел ее. Ее свою мать. Это была она. Фероль упал перед ней на колени и прижался уже человеческим голым телом к ногам женщины, глядя на нее очарованным взором своих блестящих желтым светом глаз и обхватив ее голые ноги человеческими своими руками.

Тень протянула руку и кистью тонких пальцев женской руки коснулась головы молодого болотного волка. Она провела рукой по его человеческому молодому лицу, и ласково посмотрела таким же желтым горящим цветом глаз на Фероля.

— Ты теперь дома мой сыночек — она уже тихо сказала ему, лаская овал его молодого человеческого лица своей женской нежной рукой — Ты теперь дома. Ты равен нам, как и мы тебе. Ты вошел в наш мир с самого неба. Ты послан нам самой судьбой. Единственный

обращенный.

За спиной болотного волка стояли теперь две обнаженные женские фигуры. Распустившие длинные по голому красивому женскому телу, по грудям и спине по всей своей длине они волосы стояли за спиной Фероля. Они смотрели блестящими желтыми глазами волчиц на своего теперь господина и хозяина леса. На того кого им выбрала в мужа сама их Лесная мать. Ради продолжения волчьего рода. Ради свежей новой крови.

— Агес! — произнесла уже громко Лесная Богиня, глядя на голую старшую из двух с распущенными темно-русыми длинными волосами перед ней стоящую женщину волчицу — Он теперь твой! Твой муж! И муж твоей дочери! Ты долго ждала этого часа, и небо послало само его к тебе дочь моя!

Она вновь опустила свой взор Богини леса на Фероля — Обращенный в стае необращенных! Единственный смертный среди бессмертных! Такое бывает лишь раз в тысячу лет! Раз в тысячу лет во имя жизни волчьей стаи! Примесь человеческой крови в крови оборотня, неизбежный вековой ритуал во имя жизни волчьего рода! Во имя нашего волчьего рода!

За женскими голыми в длинных волосах спинами из-за одного из деревьев появилась громадная еще одна тень. Тень оборотня волка. Она на двух ногах по-человечески бесшумно подошла сзади к двум обнаженным лесным волчицам и превратилась в здорового бородатого богатырского вида мужчину. Тоже полностью обнаженного. Подойдя к двум молодым совершенно голым женщинам, он обнял их и прижал к себе. Следом за ним вышли из-за деревьев и остальные братья и сестры новообращенного волка оборотня. Сбросив облик оборотней волков, они превратились в людей. Они встали по обе стороны от Волтара и его дочерей.

— Заверши начатое, сын мой! — сказала Богиня леса — Заверши свой обряд своего обращения! Убей эту тварь человеческую! Омой его кровью корни моего дерева! — она произнесла так громко, что казалось, содрогнулись вокруг деревья, и эхо ее голоса разнеслось по всему болотному лесу.

Она повернулась лицом к дрожащему ополоумевшему от страха оберполковнику Гюнтеру Когелю и указала рукой на него — Он твой Фероль! Тебе никто не мешает сделать это! Убей его!

— Убей его! — прорычал древний волк оборотень Волтар.

— Убей его! — прорычали молодые его дочери волчицы.

— Убей его! — прорычала дикая волчья стая.

И Фероль сверкнул желтыми волчьими глазами кровожадного хищника, глядя на Гюнтера Когеля. Он судорожно конвульсируя всем обнаженным мужским телом, согнулся, припадая к ногам своей благодетельницы и матери Богини болотного леса.

В тот же момент от человеческого тела Фероля отслоилась черная тень волка, и, оскалившись, длинными коническими острыми звериными клыками, она бросилась на немца. Вполне осязаемая и реальная она прыгнула на него со всего маху и сбила его с ног у ствола большого волшебного дерева.

Под волчий звериный неистовый жуткий рык Фероль рвал тело немца на куски и разбрасывал вокруг себя во все стороны. Кора древнего дерева окрасилась кровью несчастной жертвы, которая текла по стволу вниз в бурлящее болото. И болото жадно всасывало ту горячую еще свежее пролитую человеческую кровь.

Фероль пожирал останки того, кто был еще недавно оберполковником Гюнтером Когелем.

Он поедал того, кто приказывал вешать людей в Снежнице и кто приказал расстрелять двух деревенских женщин с их детьми. Он поедал врага. Врага пришедшего на его землю.

Его голое лежащее на земле тело вновь принимало облик волка пока его иной призрачный облик, пожирал свежее еще теплое человеческое мясо.

Он чувствовал, как рвал человеческое тело своей жертвы. Как в бреду неистовой злобы и жажды крови, он наслаждался этим диким убийством.

Прямо под ногами своей Лесной Богини матери, Фероль дергаясь в мучительных болезненных конвульсиях, становился навсегда оборотнем волком. Его человеческое отныне тело уступило место и право телу волка, а его человеческая теперь душа отныне принадлежала древнему миру. Миру столь древнему, что его история теряется где-то далеко в веках и ее корни как корни этого древнего дерева уходят глубоко в болотистую почву, среди берез и сосен болотного леса. Его теперешние братья и сестры, встав в круг его и его Богини матери во главе с оборотнем Волгаром и его будущими женами Агес и Агеллой, взявшись за руки, ведут хоровод, хоровод вокруг него лежащего и бьющегося в диких судорожных конвульсиях на земле в ногах Богини этого леса. Они шепчут какие-то молитвы на своем им только понятном языке. На языке дикой природы и задржав головы в утреннее небо, воют на еле заметную в небе Луну. Воют как тогда же возле той бани, где был зачат обряд инициации. Воют вместе с ним Феролем, стоящим теперь на коленях в этом кругу в облике оборотня волка. Возле древнего болотного дерева, в которое вновь ушла его Богиня мать, пройдя вновь волчьей тенью сквозь круг обнаженного из человеческих тел хоровода, который вскоре превратился в стаю волков, разорвавших ритуальный круг и прыжками растворившихся тенями бесшумно в утреннем воздухе болотного леса, где стоял только теперь один оборотень волк. Стоял на коленях и окровавленной пастью выл на Луну.

Хлыст тащил свою любовницу Любаву Дронину по утреннему лесу. С другой стороны от болотного, волчьего леса Снежницы, они, спрятавшись от партизан, и от советских солдат блуждали по сосновому и березовому лесу в белом, опустившемся на лес густом непроглядном тумане. Осторожно стараясь идти и очень тихо, и меняя постоянно направление, он единственный принял верное к своему спасению решение. Не будь он Хлыстом, если бы хоть раз ошибся.

Он бежал туда, где меньше всего стреляли. Туда куда немцы не додумались отступить, что спасти себе жизнь. За спинами партизан и советский войск.

Скрываясь за их спинами и теряясь во всеобщей перестрелке и беготне, Хлыст, таща за собой Дронину Любаву, обошел партизан и Советские военные части по краю, прячась в высоком бурьяне и нырнув в лес на правой стороне деревни Снежницы.

Он прихватил бабенку, так про запас. Мало ли чего, а бабенка нужна, нужна, чтобы выжить ему Хлысту в лесу. Далек отсюда в глубинке белорусского леса. И Любава как никто подходила ему по всем описаниям, а не почившему от руки Когеля Прыщу.

Хлыст слышал волчий вой, с левой стороны противоположной Снежнице и это подгоняло его.

— Давай двигай ногами сучка! — он ей громко сказал — Не дай Бог Советы прихватят меня! Я тогда пристрелю тебя и глазом не моргну! Двигай ногами!

— Я и так спешу! — громко ему также отвечала Любава — Я без тебя жить не могу Егорушка. Не бросай меня, я все умею и смогу!

— Давай двигай, двигай и молчи дурра! — прикрикивал Егор Мирошников на Дронину — Нам надо подальше затеряться в лесу до нужной поры. В лесу мы проживем. Однажды лес спас меня, спасет и сегодня.

Стоял июль сорок четвертого. Гремя гусеничными траками, Советские танки и войска Советской армии рвались на Запад. Рвались туда, где засел их враг. Они шли освободить Европу от фашистов, и путь их лежал в логово основного своего врага Германии. Но сначала был Минск, и близилось его освобождение.

Где-то впереди их раздавались взрывы бомб и снарядов и слышались выстрелы орудий. Там впереди была Победа! Там в логове бешеного зверя под названием фашизм. А позади них оставались освобожденными

белорусские деревни и села, река Березина. И среди них была и Снежница, сумевшая выжить в пожаре чудовищной войны.

КОНЕЦ 1 ЧАСТИ

Киселев А. А.

19.04.2015 — 05. 05. 2015 г.

(83 листа)